

глагола типа *com-edō*, а в конечном положении — в хеттских комплексах энклитик с конечным *-kan*. Такие индоевропейские частицы могли выступать то как проклитики (*com-* в *com-edō*), то как энклитики (*-cum* в *me-cum*), что, видимо, отражает достаточно общий общиндоевропейский принцип синтаксической акцентологии⁴, с которым связано и возникновение закона Васильева — Долобоко — Дыбо в славянском. Такое же закономерное противопоставление проклитического употребления преверба в сочетании с глаголом в придаточном предложении (вед. *sam śarantī* 'они собираются', где *sam* — преверб, происходящий из древней синтаксической частицы с видовым значением, отраженной в хетт. *-šap*, ст. слав. *съ*, прус. *sen*) и энклитического употребления глагола в главном предложении при ударности преверба (вед. *pāra daḥ* 'отдай', ср. сходное ударение в родственных славянских формах типа др.-русск. *прѣдав* и в древнеирландских сложениях с начальным *go-*) имеет место в ведийском, что Леман обоснуждает и при анализе древней роли превербов, некогда независимых (с. 116, 117), и при характеристике интонации в индоевропейском предложении. В последнем Леман предполагает понижение интонации в конце, что следует из безударности конечного глагола в главном предложении в ведийском, соответствующей употреблению глагольных форм в четвертой (не участвующей в аллитерациях) метрической позиции в германском стихе (с. 51). Важную для интерпретации этого соответствия гипотезу о том, что для германского, согласно закону Вернера (с. 50), можно предположить повышение тона на ударном слове (как в ведийском), представляется возможным подтвердить типологическими данными: с этой точки зрения, прагерманский типологически сходен с теми многочисленными языками, в которых повышение тона связано с глухостью согласного, понижение тона — со звонкостью. Как отмечает Леман, повышение тона имело место на определенном слове, понижение же было немаркированным. Это давно было предположено по отношению к славянским энклитическим (соответственно проклитическим) словам⁵. Но то, что в индоевропейском было правилом синтаксической акцентуации, в славянском переосмысливается

⁴ *Jacquois G.* Les postpositions du hittite et l'accentuation des préverbes en indoeuropéen. — «Le Muséon», 1970, v. LXXXIII, 3—4, p. 533—540. Такое двойное функционирование характерно и для частиц, вводящих предложение типа *pu-*, которые сами могут перемещаться на второе место в предложении, становясь энклитиками. Сходная двойная акцентологическая характеристика местоимений типа *moj*, *soj* сохранилась в древнегреческом.

⁵ *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave. Paris, 1976, t. 1, p. 312, 313.

как особенность интонации определенно-го слова: др.-рус. *но чту* (в Чудовском Новом Завете) отражает общиндоевропейское правило переноса ударения на начальное *nu, сказавшаяся и в др.-хет. *numaltaḥḥun* 'я молился', древнеирландских глагольных формах с начальным *po-*, а также в аналогичных комплексах начальных частиц и глагола в микенском греческом. Но то, что в индоевропейском определялось только синтаксической структурой, в славянском зависит и от принадлежности данного слова (*чту*) к определенному акцентуационному типу. Как и во многих других случаях, древние синтаксические явления отразились в позднейших морфологических явлениях, анализ которых дает сравнительно-историческому синтаксису ранее у него отсутствовавшие мощные инструменты исследования, позволяющие выйти далеко за пределы чисто типологической характеристики общиндоевропейского и наметить пути реконструкции конкретных типов поверхностных структур, соотнесенных с определенными глубинными категориями.

Весьма ранний характер фонологических изменений в конце слова, по отношению к именным основам на *-t* предположенный еще Фортунатовым, подтверждается открытыми в последние годы фактами, согласно которым потеря конечного *-t* в этих основах характерна для древнехеттского языка (как и для ведийского), тогда как позднее происходило аналогическое выравнивание, приведшее к восстановлению конечного неслогового сонанта. Дальнейшие изменения конца слова, охватывающие значительное число диалектов, существенны не только из-за их влияния на грамматические преобразования (с. 249), но и ввиду явной их связи с акцентологическими изменениями, что объясняется фонологическим принципом, по которому контурные тоны возможны только в языках, резко ограничивающих конечные согласные⁶ (с этим можно связать ряд явлений в славянском, где интонации развиваются после падения ларингальных в конце слова).

Общиндоевропейский источник проанализированных Леманом хеттских относительных конструкций с препозитивным относительным *kuiš* (с. 64—65) можно подкрепить и их совпадением с архаическими италийскими конструкциями типа *pecuniam quis nanciscitur, habeto* 'деньги который находит (= тот, который находит деньги), пусть их держит', к которым есть и оскоко-умбрские параллели (типа *pis ceus Vantins fust* 'кто гражданин Бантия был'⁷). Поэтому представляется возможным поставить вопрос

⁶ *Meran R. L.* Burmese and Jingpho: a study of tonal linguistic processes. — «Occasional papers of the Wolfenden Society on Tibeto-Burman linguistics», 1971, vol. 4.

⁷ *Wackernagel J.* Vorlesungen über Syntax, 2 Aufl. Bd. 1, Basel, 1926, S. 66, 67.